

МОЯ ЧУЖАЯ
Беременная
ОЛЬГА ВИСМУТ

Ольга Висмут

Моя. Чужая. Беременная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68635838

SelfPub; 2023

Аннотация

Я очнулась в больнице, после ДТП. Беременная и без памяти. Не помню, как меня зовут, не помню, как попала сюда, не помню кто я вообще. Рядом сидит мужчина. Врач? Нет, не врач...– Собирайся, мы уезжаем.– Вы мой муж? – спрашиваю чуть слышно. Он качает головой:– Жаль разочаровывать, но я... Я тот, кто тебя сбил. Это из-за меня ты попала в больницу. Страх накатывает волной.– Я с вами никуда не поеду!– Не поедешь? Можно узнать, почему?– Я вас не знаю!– Прости, но выбора у тебя нет, – он усмехается. – Ты здесь уже неделю, и тебя до сих пор никто не ищет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	37
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ольга Висмут

Моя. Чужая. Беременная

Глава 1

1. АСЯ

Теплый ветерок ласкает мое лицо. Я лежу на мягком песке, жмурюсь от яркого солнца. Моя ладонь тонет в мужской руке. Чувствую, как немного шершавый палец поглаживает чувствительную кожу на запястье...

Где-то недалеко кричат чайки. Воздух пахнет чем-то приятным, и этот запах идет от мужчины рядом со мной. Я очень хочу увидеть его...

Но крики чаек превращаются в странный писк. Море и пляж исчезают. Острая боль впивается в голову, и я открываю глаза.

Надо мной белый потолок. Инстинктивно дергаю рукой и едва не смахиваю стойку с капельницами.

Что это? Где я?

Нервно сглатываю, ощущая сухость в горле.

Это больничная палата. Рядом с кроватью стоит прибор диагностики. У стены – тумбочка, а на ней ваза с цветами.

Опускаю взгляд на себя. Я лежу поверх одеяла. На мне больничный халат. На указательном пальце мигает датчик, на безымянном – виден след от кольца. Странно, а кольцо куда делось? Я замужем или нет?

Пытаюсь сосредоточиться на ответах, но затылок взрывается болью. Хочу сесть, но тело не слушается. Палата перед глазами плывет. Тянусь рукой к затылку. Нащупываю бинты.

Да что же случилось? Совсем ничего не помню...

Поворачиваю голову в другую сторону. Взгляд натывается на мужчину в черном костюме с белоснежной рубашкой. У незнакомца светлые волосы и правильные черты. Легкая небритость придает его лицу усталый вид, а поверх широких плеч наброшен белый халат.

Блондин сидит в кресле напротив кровати. Сосредоточенно печатает на ноутбуке и не смотрит на меня.

Зато я засматриваюсь на него. Отмечаю, как его глаза следят за строчками на экране, как он морщит лоб, как костяшками пальцами трет переносицу.

– Привет, – хрипло произношу. – Вы врач?

Во рту сухо как в пустыне. Хочется пить, но еще больше хочется, чтобы незнакомец ответил и объяснил, что происходит.

Он отрывается от экрана и устремляет взгляд на меня. Сосредоточенный, хмурый, опасный.

У него такой взгляд, что мне становится не по себе. Почему он так смотрит? Будто недоволен, что я очнулась.

– Нет, – отвечает после минутного молчания.

Голос у него хриплый, вибрирующий. Каждый звук проходит по мне толпой оголтелых мурашек.

Блондин поднимается с места. Неторопливо, с грацией хищника, уверенного в том, что он на своей территории, и подходит ко мне.

– Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит, – признаюсь.

Стараюсь улыбнуться, чтобы развеять возникшее напряжение.

Но незнакомец остается серьезным. Кажется, он вообще не умеет улыбаться. Ни один мускул не дрогнул у него на лице.

Но обращается ко мне фамильярно, на “ты”. Видимо, мы близко знакомы. Может, это мой родственник или друг...

Хочу подняться.

– Лежи, доктор сказал, чтобы ты не двигалась.

Я мну одеяло и отвожу взгляд. Чувствую себя неловко рядом с ним.

– Ты сильно ударилась затылком и всю ночь пролежала без сознания. Могут быть проблемы с памятью, – продолжает он, пристально глядя мне в глаза из-под полуопущенных ресниц. – Помнишь, как тебя зовут?

– Я... – запинаюсь.

Ну же, это всего лишь имя. Его каждому человеку дают при рождении.

Но стоит напрячь память – и затылок снова взрывается адской болью, а перед глазами темнеет.

– Не помню... – выдыхаю. – А вас? Мы с вами знакомы?

– А что случилось, ты помнишь? – он задает новый вопрос вместо ответа. – Знаешь, где находишься?

– Н-нет... В больнице?

– В частной клинике.

– Как я сюда попала? – говорить тяжело, но я хочу услышать ответы.

– Тебя сбила машина, – хмуро отзывается он. – Я привез тебя сюда.

Значит, он мой спаситель. Но я не помню ни его, ни того, что случилось.

Засматриваюсь на морщинку между его бровей. Рука так и тянется разгладить ее.

Прижимаю конечность к телу и отзываюсь:

– Спасибо. Но я вас не помню...

Вспоминаю след от кольца. Может быть, этот красавчик мой... муж? Нет, такое он бы сразу сказал!

– Доктор уже осмотрел тебя, – он не замечает моего волнения. – Не волнуйся – “Эдельвейс” лучшая клиника в городе, и врачи здесь знают свое дело.

– Можно воды? – прошу его. – Хочется пить.

– Да, конечно.

Он берет пластиковую бутылку, стоящую на столике. Наливает воду в стакан.

Я густо краснею, когда он помогает мне приподняться на кушетке. У него сильные руки, а движения четкие, уверенные, без суеты. Он прикладывает стакан к моим губам.

Прохладная вода дарует наслаждение пересохшему горлу. Пью и не могу напиться.

– Доктор сказал много нельзя. Все, достаточно.

Забывшись, хватаю стакан. Случайно касаюсь пальцев незнакомца. Между нами проскакивает искра, и я отдергиваю руку.

От толчка часть воды проливается мне на грудь. Пятна расплываются по больничному халату. Начинаю неловко растирать их рукой, пока блондин осматривает палату.

Он возвращается с бумажным полотенцем и прикладывает его к моей груди. Прячу взгляд и бормочу в свое оправдание:

– Вы бьетесь током!

Блондин слегка приподнимает золотистую бровь, но на его лице по-прежнему ни намека на улыбку. Да что с этим парнем не так? На вид он не такой старый, чтобы забыть, как улыбаться!

За дверью палаты слышатся голоса. Порываюсь вскочить, но незнакомец не дает мне подняться.

У него горячие пальцы. Чувствую их жар сквозь бумажное полотенце и больничный халат.

Дверь распахивается. Я замираю.

– Максим Николаевич, у меня хорошие новости, – в па-

лату входит седовласый мужчина в белом халате. Следом за ним – медсестра. – С вашим...

Они недоуменно смотрят то на меня, то на блондина, все еще держащего руку на моей груди.

Кажется, в голове у обоих проносится мысль, что нет ничего проще, чем разбудить девушку, пощупав ее за грудь.

– Что за новости? Говорите, – обращается Максим к врачу резким тоном.

Я мысленно перекатываю на языке его имя: Максим Николаевич... Макс...

– С ребенком все в порядке.

– С каким ребенком? – спрашиваем мы с Максимом одновременно.

– С вашим, – отзывается врач, переводя довольный взгляд с меня на него. – Вы же беременны, а не я. Пока точный срок установить не могу, но, судя по результатам УЗИ, это вторая неделя.

Рука инстинктивно дергается к животу.

Я беременна? Меня сбила машина, а я беременна?

Страх расплывается по телу холодной волной. Я же могла потерять малыша!

– Поздравляю, Максим Николаевич, с прибавлением, – продолжает врач. – А теперь попрошу вас выйти, я должен осмотреть будущую мамочку.

– Нет! – вскрикиваю. – Пожалуйста, не уходите.

С мольбой смотрю в глаза Максима, а сама цепляюсь за

его руку, будто он мое единственное спасение в этом мире.

Тот хмурится, но не выхватывает свою конечность из плена моих пальцев.

– Я останусь, – заявляет врачу.

Слегка сжимает мои пальцы, и я благодарно затихаю.

Врач задает вопросы, медсестра заносит ответы в бумаги. Я отвечаю и киваю невпопад. Чувствую слабое головокружение и шум в ушах. А еще меня пугает, что не помню кто я, и вообще плохо понимаю, что происходит.

– Итак, небольшое сотрясение, гематома в затылочной части головы и ретроградная амнезия, – заключает врач, пока медсестра делает пометки в журнале. – Такое бывает. Будем лечить. Ну что, Максим Николаевич, продолжаем стационарное лечение, а через семь дней, если осложнений не будет, сможете забрать жену домой.

Я сжимаю руку Максима.

Значит, он все-таки мой муж! А почему молчал?

Может... мы развелись? А ребенок откуда? Хотя, чего не бывает...

– Хорошо, – отвечает он, переводя взгляд на бейджик врача, – Петр Алексеевич. Вы же не против, если мой человек останется у палаты?

– Понимаю, безопасность прежде всего, – кивает врач.

А я недоуменно хлопаю ресницами: безопасность? О чем это он?

– Мне нужно отъехать по делам, но прошу меня инфор-

мировать о состоянии... – тут Макс делает красноречивую паузу и как-то странно смотрит на меня, – пациентки.

От его взгляда хочется натянуть одеяло по самую макушку.

– Хорошо, Максим Николаевич – соглашается врач, потом обращается к медсестре: – Ниночка, все готово?

Та расплывается в дежурной улыбке, слишком приторной, чтобы быть настоящей:

– Да, Петр Алексеевич, все бумаги готовы.

Она передает журнал Максиму, не забывая при этом распрямить плечи так, чтобы медицинский халат обтянул грудь. Чувствую, что меня это злит, и отвожу взгляд.

– Распишитесь, Максим Николаевич.

Макс расписывается в бумажках.

Странно, что я совершенно не помню его, но это имя кажется очень знакомым. Не Максим, не Максим Николаевич. Именно Макс...

А еще солнечный свет и почему-то ромашки... Странные ассоциации.

– Я совсем ничего не помню, – признаюсь. – Ни тебя, ни где мы живем.

Будто кто-то взял ластик и полностью стер все воспоминания.

Он странно смотрит на меня.

– Могу я чем-то еще помочь? – вставляет Ниночка.

Кажется, у меня на нее начинается аллергия. Уж слишком

хочется, чтобы она убралась и закрыла дверь с той стороны.

– Мы разберемся, спасибо, – отрезает Максим. – Петр Алексеевич, мой человек ждет снаружи, он уладит все формальности.

Врач рассеянно кивает и покидает палату. Вслед за ним уходит и Ниночка. Я наконец-то чувствую, что напряжение отпускает.

– Мы женаты? – выдыхаю, глядя в глаза Максима. – Ты отец моего ребенка?

Он с минуту молчит. Взгляд у него такой, будто он сомневается в том, что собирается сделать. Наконец произносит:

– Нет.

– Нет? – меня накрывает волна удивления. Неужели я ошиблась? – А кто ты?

– Мы обсудим это потом, – говорит он странную фразу и, ни разу не обернувшись, уходит.

Я со вздохом откидываюсь на подушки. Смотрю в потолок.

Что со мной происходит? В какую историю я вляпалась? От вопросов кружится голова и нет ни одного ответа. Но пусть я потеряла память...

У меня же была какая-то жизнь? Родные, знакомые...

Меня обязательно будут искать! Обязательно! Надо просто дождаться...

Глава 2

1. МАКС

Она ничего не помнит, это моя вина. Но оставить ее в больнице – не выход. Обязательно кто-то узнает и пойдут сплетни, или эта дуреха сама начнет трепать языком.

Врачи в клинике знают свое дело, я им хорошо плачу за молчание. Но не могу заткнуть рот всем пациентам. А мне вовсе не хочется, чтобы просочилась инфа, что Макс Стальнов накануне свадьбы проводит одинокую симпатичную, да еще беременную брюнетку.

Даже не знаю, что хуже. То, что я ее сбил, или то, что ее беременность мне приписали.

А еще она решила, что я ее муж. Даже жалко стало разочаровывать. У нее такой вид был побитый, когда я правду сказал.

Ладно, надо что-то решать. Пока приставлю охрану к палате и прикажу никого к ней, кроме лечащего врача, не пускать. И ее никуда не выпускать.

Если она за семь дней ничего не вспомнит, то придется забрать ее к себе в дом. Места там достаточно для двоих,

уверен, мы даже встречаться не будем. Пусть поживет, пока память не восстановится. Или пока я не решу, что с ней делать.

– Дым, ты остаешься здесь, – сообщаю охраннику. – Присмотришь за ней. Если вдруг объявятся родственники, – что-то мне не хочется, чтобы они объявились, – сразу сообщи.

– Понял, шеф. А долго мне здесь?..

– Пока я не решу иначе.

В кармане вибрирует телефон. Хорошо, что поставил его на “беззвучный”.

Смотрю на экран. Я жду звонок от секретаря, но это не он. На меня смотрит знакомая блондинка в темных очках с мопсом, прижатым к щеке.

И что люди находят в этих мелких визгливых тварях? Я про собаку, не про блондинку.

Отхожу к окну.

– Лариса?

– Пу-у-упсик-Максю-ю-юсик – манерно тянет она. – Ты где? Мне сказали, ты сдал билет!

С трудом сдерживаюсь, чтобы не швырнуть телефон. Говорил же не называть меня так! Бесит. Но Ларке, похоже, это до лампочки. Она если что-то втемяшит себе в голову – то кувалдой не выбьешь.

– Мне пришлось отменить поездку, – отвечаю, беря себя в руки.

– И могу я узнать причину? Что заставило тебя отменить

такую важную встречу?

– Дела.

– Дела? Стальнов ты что, рехнулся? Какие еще дела? – переспрашивает удивленно, и манерность сразу слетает с нее. – Где ты сейчас?

– В городе. Такой ответ тебя устроит?

– Максик, ты мне грубишь? – в ее голосе появляются вкрадчивые нотки, которые я ненавижу.

Усилием воли сдерживаю ругательство, готовое вот-вот сорваться с губ. Ларка еще та стерва, лучше ее не злить.

– Не принимай желаемое за действительное, дорогая.

– Ты что-то темнишь, Стальнов! – она тут же идет в атаку и снова меняет тон. – Приезжай ко мне. Я соскучилась...

– Не сегодня. Мне не когда.

– Но, пуся...

Нажимаю отбой. Сжимаю айфон так, что тот начинает издавать угрожающий треск.

Через минуту раздается новый звонок.

Снова она!

– Стальнов! – судя по голосу, Ларка вне себя от злости. – Ты что, решил меня кинуть? Что значит “некогда”?

– Кажется, мы только что это обсудили, – морщусь от ее крика. – Прости, но я очень занят.

– Чем? Что за дела, которые важнее, чем заключение контракта в Лейпциге или встреча со мной?!

– Это тебя не касается.

– Касается, Стальнов, еще и как! Забыл, сколько бабла мой отец вложил в твое дело? Завалишь проект – до конца своих дней не рассчитаешься!

– Лара, – перебиваю визжащую невесту, – кажется, ты хотела тот гарнитур с черными бриллиантами от Тиффани?

Не люблю, когда мне напоминают, кому и сколько я должен. К тому же Лев Аркадьевич это “бабло” мне не подарил, а вложил в развитие стартапа на весьма выгодных для него условиях. И уже три года получает немалые дивиденды. Пора с ним заканчивать.

Моя фраза сбивает Лариску с мысли. Я даже чувствую, как она делает охотничью стойку на слово “бриллианты”.

– Максик, ты серьезно? – страстно дышит мне в трубку. – Когда?

– А ты где сейчас?

– Собираюсь в салон.

– Отлично. Встретимся завтра в обед. Ничего не планируй.

Отключаю телефон и возвращаю в карман. Если бы не обещание, данное ее отцу, в жизни не женился бы на Лариске. Она как любовница хороша, даже спорить не буду. Но как деловой партнер и жена...

Ларка холодная расчетливая хищница, хоть и выглядит “блондинкой”. И даже в нашем добровольно-принудительном партнерстве ее интересует только прибыль. Пока мы на одной стороне, но кто знает, что будет завтра?

Да, лучше об этом не думать. К тому же, контракт есть контракт. Просто так его не расторгнешь.

– Дым, – подхожу к охраннику, – если будет Лариса Львовна звонить, не отвечай.

Тот понимающе кивает.

Бросаю последний взгляд на дверь палаты, за которой осталась моя головная боль. Семь дней. У меня есть семь дней, чтобы решить, что с ней делать. А пока вернемся к настоящим делам.

2. АСЯ

Лежать в больнице, оказывается, самое нудное занятие из всех, что можно представить. Я только и делаю все время, что лежу, смотрю в потолок, борюсь с головокружением и тошнотой и попутно пытаюсь вспомнить о себе хоть что-то.

Лечение, назначенное Петром Алексеевичем, помогает. Головные боли постепенно стихают, с ними уходит шум в ушах и головокружение. Но меня все равно тошнит. По утрам. Врач говорит, это симптомы беременности. Только память не возвращается. Я по-прежнему не помню о себе ничего...

На третий день меня отключают от капельниц. Теперь я могу сама подняться и принять душ, хотя приходится делать это под присмотром сердитой нянечки. Та помогает, но вор-

чит, что вот таких прытких, как я, дольше всего в больнице и держат. А что делать, если кругом одни больничные стены и телевизор с мелодрамами.

– Лежать тебе надо, девонька! Вон, муж твой такого бугая под дверями оставил, боится, видимо, чтобы с тобой ничего не случилось!

Мне становится любопытно, что там за бугай и от кого меня охраняет? Я ради такого дела даже топаю к двери, хотя покачиваюсь на каждом шагу и цепляюсь за стену.

Но едва открываю ее, как на пороге вырастает двухметровый трехдверный шкаф. Он заполняет весь проем и впивается в меня бесстрастным колючим взглядом.

– Куда? – выдает амбал, осмотрев меня сверху донизу и обратно.

Я невольно пячусь.

– З-здрасте...

Лицо амбала немного смягчается.

– Возвращайся в постель! – говорит он более мирным тоном. – Максим Николаевич приказал присматривать за тобой и никуда не выпускать.

Последние слова заставляют меня насторожиться.

– Как это не выпускать? Из палаты или из больницы?

– Вообще.

– И на каком основании? Он мой муж?

Амбал отводит глаза и сопит.

Вместо него отвечает подошедший доктор:

– А на таком, что Максим Николаевич оплатил ваше лечение. Он за вас отвечает.

Я возвращаюсь в кровать, терплю осмотр и пытаюсь разговорить врача насчет Макса. Но мне мешает присутствие Ниночки. Эта медсестра такая же неизменная при Петре Алексеевиче, как его бейджик.

– Извините, – в конце концов говорит врач, поправляя очки, – но я знаю только, что Максим Николаевич доставил вас в нашу клинику. И что он единственный, кто интересуется вашим здоровьем.

– А больше никто?

От этой мысли сердце сжимается. Неужели меня не ищут? Или некому искать...

– К сожалению.

Врач ждет, пока медсестра снимет бинты. Он осматривает мою голову, осторожно нажимая в разных местах. Спрашивает:

– Болит? А здесь? А вот так?

Пытаюсь прислушиваться к своим ощущениям. Да, болит, но намного меньше.

– Отлично, хороший прогресс. Такими темпами мы вас и правда выпишем к понедельнику.

– А сегодня какой день?

– Вторник. А доставили вас в ночь с субботы на воскресенье, – добавляет Петр Алексеевич, предвосхищая мой вопрос.

– Вы говорили семь дней на лечение, – вспоминаю. – В понедельник будет девятый...

– Мы не выписываем по выходным.

– Почему?

Он скупно улыбается:

– У врачей тоже должен быть выходной.

Я снова остаюсь одна, и так день за днем. В четверг после обхода в дверь аккуратно стучат.

Сердце подпрыгивает в груди: неужели?!

– Входите! – кричу.

Дверь открывается, на пороге топчется все тот же амбал. Мнет в руках какой-то пакет.

– Вот, Максим Николаевич передал. Тут фрукты.

Улыбка сползает с моего лица.

– Ага, – разочарованно вздыхаю, – поставь на тумбочку. А как тебя зовут? Можно на “ты”?

А почему нельзя? Он же мне “тыкает”!

Мужчина оставляет пакет в указанном месте, бросает на меня странный взгляд и уходит.

Какие мы неразговорчивые!

В пакете оказывается экзотический набор. Мандарины, апельсины, яблоки и бананы. А еще двухлитровый пакет с соком.

Лучше бы он мне трусы прислал! Или думает, что мне и без них хорошо?!

В клинике кормят сытно и вкусно, несмотря на то что вся

пища на пару. Так что я от голода не страдаю, а вот отсутствие нижнего белья доставляет массу неудобств. Или меня нарочно без трусов держат, чтобы не сбежала?

Сердито вгрызаюсь в яблоко.

Этот Максим Николаевич...

Ни разу ко мне не пришел!

Взгляд невольно перемещается на след от кольца.

Еще одна загадка. Максим так и не сказал, знакомы ли мы, хотя и отрицать этого тоже не стал. Но врач назвал его моим мужем. А след от кольца очень четкий, будто я носила его несколько лет и только недавно сняла.

Может, мы с Максом поссорились перед тем, как я под машину попала? А что, вполне логично. Поругались из-за какой-то ерунды, я всплыла (с беременными это часто бывает) выскочила на дорогу и...

Даже платье, в котором меня привезли, вписывается в эту гипотезу. Симпатичное платье, шелковое, цвета бордо. А еще тапочки. Обычные домашние тапочки. Белье с меня сняли и, видимо, выбросили, а платье и тапочки почему-то оставили. Может, на память?

Смеюсь над своими мыслям.

Перепробовав все, что было в пакете, иду к дверям. Приоткрываю. На пороге тут же вырастает амбал и преграждает мне путь.

– Я не собираюсь никуда убежать, – успокаиваю его. – Передай Максиму Николаевичу от меня “спасибо”. Все очень

вкусно.

Тот подозрительно хмурится и молчит.

Вздыхнув, закрываю двери. Слышу сквозь тонкое полотно, как мой надсмотрщик говорит, видимо в трубку:

– Да, передала “спасибо”... Все понял.

Проходят пятница и суббота. Безымянный амбал каждый день доставляет передачи от босса. Надо бы трусы у него попросить, но... я стесняюсь.

В конце концов не выдерживаю. Врач говорит, что я быстро иду на поправку, скоро меня выпишут. Но не могу же я выйти из больницы голышом?!

Прошу у нянечки ручку и лист бумаги. Руки плохо слушаются, будто забыли, как писать, но буквы-то я помню! Нетвердым почерком вывожу кривые строчки. Складываю записку несколько раз, сую в ладонь охраннику и, глядя ему в глаза, говорю:

– Отдай Максиму Николаевичу. Только сам не читай! Обещаешь?

У него брови взмывают вверх. Смотрит на меня как на букашку, потом нехотя цедит:

– Передам.

– И не читай! – повторяю.

Этот гад захлопывает дверь у меня перед носом.

Слышу, как он шелестит, разворачивает бумажку. Потом раздается голос:

– Максим Николаевич, тут дело такое... Наша потеряшка

просит купить ей трусы.

Кажется, он гремит на всю больницу.

Рычу, сжимая кулаки, и чувствую, что краснею.

Вот зараза! Ну просила же не читать!

Глава 3

1. МАКС

С утра позвонил врач. Сказал, что мою потеряшку сегодня выписывают. Правда, он назвал ее немного иначе. Пациенткой, в которой я лично заинтересован. И долго красноречиво молчал в трубку. Как бы намекая, что неплохо было бы подкинуть что-нибудь посуущественнее простой благодарности.

Я сухо напомнил, что новый МРТ уже в пути и вот-вот прибудет.

Дым всю неделю сидел рядом с палатой, отгоняя любопытных. И ничего. Она ничего не вспомнила. Даже собственного имени. Интересно, куда она пойдет, если я за ней не приду?

Нет, слишком опасно ее отпускать. Кто знает, может она притворяется, что потеряла память? Не удивлюсь, если ее подослал Лев Радзинский. Как напоминание, что он держит меня в кулаке.

Эта мысль не слишком приятная. Да и вообще вся прошедшая неделя была не слишком приятной. Ларка словно с цепи сорвалась, будто учуяла что-то. Одним бриллиантовым

гарнитуром отделаться не получилось.

Пришлось пару раз свозить ревнивую невесту в ресторан и всю неделю ночевать у нее. Хотя обычно я это не практикую. Не люблю спать в чужой постели. Не могу заснуть, если рядом есть кто-то еще, поэтому в брачном договоре с Ларисой четко оговорено наличие двух отдельных спален.

Сейчас я невыспавшийся и злой. И голодный, потому что сорвался с утра пораньше, не позавтракав. С одним единственным желанием – покончить быстрее с этим вопросом и вернуться к нормальной жизни.

– Подъезжаем, шеф, – голос Егора выводит меня из задумчивости.

Поднимаю взгляд. Машина въезжает в больничный двор, останавливается у главного входа.

– Надеюсь, все документы уже готовы и мы надолго здесь не задержимся.

С этими словами покидаю теплый салон.

В холле встречает медсестра.

– Максим Николаевич, прошу за мной, вы должны подписать несколько документов.

– И отказ от претензий, – хмыкаю, просматривая бумаги.

Покончив с бюрократией, поднимаюсь по лестнице на третий этаж к нужной двери. Позади неизменной тенью следует Егор с пакетом в руках. Разумеется, на лифте быстрее, но мне после долгого сиденья в машине хочется размять ноги.

Вот и палата. Со стула возле дверей поднимается Дым.

– Как она? – киваю в сторону входа.

– Странная, – тот пожимает плечами.

– В смысле?

Может, стоит ее показать психиатру?

– Обозвала меня питекантропом.

С трудом сдерживаю улыбку.

– И за что она тебя так?

– За то, что прочитал ее записку.

Я все-таки чувствую, как губы растягиваются в улыбке.

Трусы. В записке она попросила трусы. Да будто я знаю, какие ей нужно! Еще ни одна женщина не просила меня купить ей трусы, хотя многие забывали их в моей постели.

Мысль о том, что за дверью палаты ждет хорошенькая девушка без трусов... м-м-м... будит фантазию. Даже жарко становится.

Так, все, не думать об этом. Я не дикарь, а нормальный мужчина. У меня есть невеста и свадьба на носу.

Ладно, пора заканчивать этот спектакль.

Забираю у Егора пакет. Толкаю дверь и захожу.

Она сидит на кровати. Увидев меня, вздрагивает и вскакивает навстречу. Хватает за руку. Ее ладони маленькие и теплые.

Многозначительно смотрю на нее.

– Собирайся, мы уезжаем. Тебя только что выписали.

В ее глазах светится радость. Вот дурочка. Знала бы, что

ее ждет, то так бы не улыбалась.

– Макс... Спасибо...

– Макс? – меня с института никто так не называл.

Кроме женщин в постели.

– Ну... я же могу тебя так называть? – она заглядывает мне в глаза как побитая псина. Берет мою руку и зачем-то прикладывает к своей груди. – Ты же мой муж?.. Бывший?..

Последнее слово произносит совсем тихо. Все еще на что-то надеясь.

Качаю головой. Ну вот что она себе напридумывала?

– Жаль разочаровывать, но я...

Она закусывает губу. Розовую, влажную, пухлую. Мой взгляд прикипает к ней.

В горле внезапно становится сухо.

– Я тот, кто тебя сбил. Это из-за меня ты попала в больницу.

На ее лице шок, неверие. И мучительное осознание истины.

– Если так, то я с вами никуда не поеду! – она внезапно отпускает мою ладонь и прячет руки за спину. – Максим Николаевич!

Последнее произносит с явным сарказмом.

– Не поедешь? – смотрю, как она нахохлилась. Вкрадчиво интересуюсь: – Можно узнать, почему?

– Я вас не знаю!

– Это аргумент, – усмехаюсь. – Но слабый. Только что ты

готова была ехать со мной неизвестно куда.

– Я думала, вы мой муж! А вы... Вы меня сбили! – С каждой новой фразой она все дальше пятится от меня, но продолжает бросать сердитые взгляды. – Я вам больше не доверяю!

Что ж, я сам себе порой не доверяю. И с радостью забыл бы о существовании этой женщины, если бы не одно “но”.

– Прости, но выхода у тебя нет. Ты здесь уже целую неделю, и тебя до сих пор никто не ищет.

Она спотыкается о кровать и медленно опускается на нее. В глазах, только что искрившихся от возмущения, теперь застыло недоверие.

– Никто?

А голосок такой жалобный, того и гляди – расплечется. Ненавижу женские слезы.

– Никто, – подтверждаю резким тоном, чтобы она больше не задавала дурных вопросов. – А мне совесть и воспитание не позволят бросить тебя на улице.

Разумеется я бессовестно вру.

Но она сразу скукоживается, будто шарик, из которого разом выпустили весь воздух.

– Собирайся, – грубо бросаю ей, – да не трясись! Ничего я с тобой не сделаю, раз уж до сих пор ничего не сделал. Поживешь в моем загородном доме, там места много.

– И в качестве кого я там буду жить? – бурчит, пряча взгляд.

Вроде и боится меня, но продолжает характер показывать. Боевая. Но глупая.

Ее вопрос меня озадачивает. А в самом деле...

Останавливаюсь в раздумье.

– Готовить умеешь?

– Н... не знаю, – пожимает плечами. – Я же не помню.

– Про память тела слышала? Если умела раньше, то вспомнишь. А не умела – научишься.

Ее вещи висят тут же в палате, в шкафу. Темно-бордовое платье и тапочки. Да, не густо, как для зимы. А еще у меня в руках бумажный пакет с нижним белье. Разумеется новым. По моей просьбе купила домработница. Пришлось придумать целую легенду, зачем оно мне понадобилось.

Бросаю пакет и платье ей на колени. Она нервно сжимает их.

– Собирайся. И да, я люблю французскую кухню.

Оставив ее сидеть на кровати, выхожу в коридор. Набираю домашний номер. Трубку может взять только один человек – моя домработница.

– Татьяна Ивановна, я скоро вернусь, не один. Приготовьте гостевую спальню... Да, у меня будет гость...

Она удивилась, но вопросов задавать не стала. Знает свое дело. Уже третий год работает на меня, с тех пор, как я с Жанной развелся.

Сегодня я впервые приведу женщину в дом. В свой дом, куда даже Ларку и ту не пускаю. Это моя личная зона. Холо-

стяцкий вертеп.

В голову лезут мысли о потеряшке. Имени у нее нет, надо придумать. Пальцы до сих пор жжет тепло ее груди. Крепкая двоечка. Все, как я люблю. У Ларки тоже была красивая грудь, пока она не решила ее увеличить.

Сжимаю кулак. Нет, эта женщина мой гость, да еще беременная. В моем доме с ней ничего не случится...

Если она сама не захочет.

А мнение домработницы меня не волнует. Ее гонорар достаточно крупный, чтобы держать рот на замке.

2. АСЯ

Максим меня пугает. Мало того, что сбил, а потом спокойно в этом признался, так еще завезти хочет неизвестно куда.

Мой бедный, замутненный болезнью мозг, подкидывает страшные кадры, в которых таких девушек, как я, везут в лес и...

У-у, не хочу так.

Дрожащими руками натягиваю белье. Свежее, чистенькое. Простые белые трусики в мелкий цветочек и такой же бюстгальтер. Даже думать не буду, кто его подбирал.

Теперь платье. Прохладный воздух больницы отрезвляет. Неужели я в самом деле поеду с ним? Это самоубийство!

Лучше остаться в палате, тут безопаснее, чем довериться незнакомцу.

Что я знаю об этом Максиме? Да ничего! Я не могу ему доверять. А мне нужно думать не только о себе, а еще и о ребенке.

Кладу руку на плоский живот.

До сих пор не могу осознать, что я беременна. Был ли этот ребенок желанным? Макс сказал, что сбил меня ночью. Что я делала ночью на улице? В коктейльном платье и тапочках? Ведь сейчас зима... зима, это я помню!

Собравшись с силами, выхожу.

Возле палаты стоят два бугая (один из них знакомый) и Макс. Он кивком приказывает следовать за ним.

Молча проходим мимо палат. Он чуть впереди, я за ним, плетусь без всякой охоты. За мной, словно конвой – те два амбала. Каждый два метра ростом и косая сажень в плечах. Штангисты, млин, тяжеловесы!

В коридоре шушукаются медсестры. При виде Макса они мило улыбаются, а мне так и хочется крикнуть:

“Спасите, помогите! Меня сейчас похитят! Увезут в неизвестном направлении!”

Мы на втором этаже. Надо спуститься в холл по широкой лестнице. Я замираю перед ней, как перед кипящей лавой.

– Чего застряла? – спрашивает Макс, повернувшись ко мне.

– Я... нет, ничего.

Делаю первый шаг, а у самой сердце заходится от страха.

Уже в холле, возле рецепции, меня накрывает паника, и я понимаю, что все. Если сейчас ничего не предпринять, то прощай свобода. Возможно, и жизнь.

Замираю за три шага до выхода из клиники. Через широкие стеклянные двери виден заснеженный больничный двор.

– Мне нужно в туалет, – пишу тонким голосом.

Это первое, что стукнуло в голову. Никакого плана у меня нет, кроме желания поскорее сбежать и подальше.

Испуганно смотрю в потемневшие глаза Макса. Тот хмурится и цокает языком.

– Потерпеть нельзя?

– Нет, – качаю головой и морщусь.

Идея побега приходит мгновенно. Главное, чтобы ни Макс, ни его шкафы не увязались за мной!

– Хорошо, – Макс делает шаг ко мне. – Я провожу.

– Максим Николаевич! – к нам приближается врач. – Подождите минутку, надо кое-что уточнить.

Его появление спасает меня.

– Я и сама могу сходить, – улыбаюсь с самым невинным видом. – Спрошу у девочек на рецепции, где туалет.

– Дым, проследи за ней, – кивает Макс бугаю, который все это время торчал у меня под дверями.

Тот поворачивается ко мне с плотоядным оскалом.

Так, спокойно, еще ничего не потеряно. Не съест же он меня прямо здесь! Особенно теперь, когда я знаю, как его

зовут.

Уточняю у первой попавшейся медсестры, где находится туалет, и иду по ее наводке. Стараюсь не торопиться и не терять невозмутимости.

Дым останавливается возле нужной двери и берется за ручку.

– Эй, вы что, и в туалет со мной пойдете? – возмущаюсь.

Хотя мое возмущение больше похоже на писк.

Он морщится, но отступает.

Я проскальзываю внутрь.

А дальше что?

Туалет тут огромный, на десяток кабинок. Под потолком виднеются небольшие прямоугольные окна. Одно из них даже открыто. Если я подтянусь, то смогу выбраться сквозь него. Одно пугает – на улице зима. Но с этим я как-нибудь справлюсь.

Решительно направляюсь к окну, заодно проверяю, нет ли кого в кабинках. Свидетели мне не нужны.

И тут на мою удачу замечаю то, что может помочь! В одной из кабинок вместо унитаза свален технический инвентарь: синий халат, швабры и веники. Видимо, этот туалет служит еще и подсобкой для техничек. Даже ведра и небольшая тележка есть.

Мне повезло! На уборщиц никто не обращает внимания.

Быстро натягиваю халат, который оказывается на пару размеров больше, чем нужно. Среди мусора нахожу бахилы.

Надеваю их на ноги, а еще одну, почище, на голову, чтобы спрятать волосы.

“Куда по мытому?” – так и вопит мое отражение в зеркале.

Кажется, в гроб и то краше кладут... Хотя, если меня подкрасить чуток, причесать...

“Кто не рискует, того в лес вывозят!” – напоминаю себе.

Итак, пора приступать к выполнению плана.

Пункт первый: выйти из туалета и не попасться Дыму.

Пункт второй: затаиться где-нибудь в больнице до вечера, найти теплую одежду. Пункт третий...

Куда идти, буду думать, когда удастся выполнить первых два. В полицию, наверное. Там все расскажу.

Складываю всю утварь на тележку. Горблюсь и задом пачусь к выходу. Нервничаю, когда открываю дверь.

Тот самый Дым стоит на пороге, поджидая меня.

У меня чуть сердце не выскакивает из груди, когда огромная тень накрывает меня. Но Дым отступает.

Все обошлось. Вцепившись в тележку, я следую дальше по коридору. Главное убраться отсюда, пока этот бугай не понял, что я его провела.

– Стой! – доносится в спину.

Я прибавляю скорость.

– Стой, кому я сказал!

Ну уж нет! Так легко я не дамся!

Кричать? Вряд ли кто-то поможет. Макс же сам сказал: клиника частная, наверняка у него тут все куплено!

На глаза попадается проход, ведущий на лестницу. Лестница уходит вниз, но ведь мы и так на первом этаже.

Бугай нагоняет, так что я, не раздумывая, вылетаю на лестницу. Еще недавно садилась с трудом, а сейчас откуда силы взялись? Несусь, перепрыгивая через ступеньку. Захочется жить – еще не так запоешь!

Задыхаясь, сбегая вниз, прямо к открытым дверям, из которых веет морозом.

Неужели... Свобода!

На крыльце курят трое мужчин в белых халатах. Видимо, врачи. Пролетаю мимо них, бормоча извинения. Ловлю на себе недоуменные взгляды и несусь дальше, по заснеженной дорожке, утопая по щиколотку в снегу.

Свобода так близко, что не верится. Но возле ворот на меня налетает кто-то, едва не сбивая с ног. Падаю в снег, но меня подхватывают крепкие руки.

– Ты куда бежишь, дура? – рычит Макс и смотрит на меня так, что мне сразу хочется стать маленькой и исчезнуть.

Его взгляд скользит по моему ошарашенному лицу, переходит на бахилу, которую я натянула на голову, потом опускается на синий халат и становится недоуменным.

– Это что за маскарад? – спрашивает Максим вкрадчивым тоном. – Ты в таком виде сбежать собралась? И куда же, скажи на милость?

А потом начинает смеяться. Причем с каждой минутой все громче. Сдирает с меня халат и бахилу. Снимает свое

пальто и укутывает меня. Пальто теплое, мягкое, из кашемира, и хранит на себе запах хозяина.

Прячу нос в воротник и обиженно соплю. Но похититель, похоже, плевать хотел на мои обиды. Все еще смеясь, он подхватывает меня на руки и несет к иномарке, застывшей напротив входа.

Только теперь до меня доходит, что на улице минус десять как минимум. А он в одной рубашке и пиджаке.

Кошусь на него.

Ну и ладно! Пусть мерзнет. Сам виноват. Нечего похищать бедных девушек!

Глава 4

1. МАКС

В машине едем молча. Я по привычке рядом с водителем, а потеряшку пришлось усадить на заднем сиденье между Егором и Дымом. Она так странно косится на них, когда думает, что никто не видит. Наверняка уже напридумывала себе всякие ужасы. Это написано у нее на лице.

Но разубедить ее у меня нет никакого желания. Как и нянчиться с ней. Надо же, выскочила на улицу в мороз почти голая. И куда бежать собралась, не помнит ведь ничего! Дура, что с нее взять.

Наблюдаю за ней в зеркало заднего вида.

Парни ухаживают, как могут. Интересуются: не тесно ли ей, может водички подать, пледиком ножки укрыть. Заботливые какие.

Она смотрит так, будто они ее уже четвертуют.

И откуда только взялась на мою голову?

Незаметно для себя начинаю ее изучать. У потеряшки тонкие черты, кожа бледновата, как у человека, который круглый год сидит в офисе. Глаза большие, зеленые, ровный

нос, пухлые губы. Причем свои, если я в этом хоть что-то понимаю.

Ощущение, что она ни разу не была у косметолога. Слишком естественная. Таких не бывает. По крайней мере, в моем окружении.

Она нервно кутается в мое пальто. Из-под полы видны пальцы. Ногти чистые, аккуратно подстрижены, без намека на дорогой маникюр. А вот след от кольца я еще в больнице заметил. И, судя по его четкости, это кольцо она носила несколько лет. Что заставило снять его и когда?

– Простите, а долго ехать? – слышу ее тихий голос.

– Опять в туалет хочешь? – спрашиваю, не оборачиваясь.

И вижу в зеркале, как она заливается краской.

– Нет, – шепчет почти неслышно, – но меня тошнит.

Закатываю глаза. Беременная на мою голову!

– Влад, притормози, Егор, открой дверцу, пусть подышит минутку.

Парни выполняют приказ. Я смотрю, как она жадно хватается ртом морозный воздух.

– Тише, – предупреждаю, – простудишься.

Бросает на меня подозрительный взгляд:

– Переживаете о моем здоровье?

– С какой это стати? – выгибаю бровь. – Просто не хочу лишних проблем.

– Ну так отпустите меня – и дело с концом!

Ну вот, только что сидела, боялась, а теперь опять харак-

тер вздумала показать?

– Хорошо, – говорю примирительно.

– Хорошо? – в ее глазах вспыхивает удивление. – Вы меня отпускаете?

– Да. Егор выйди, выпусти ее.

Охранник подчиняется.

Зато потеряшка не спешит выпрыгивать из машины. Мнет мое пальто, поглядывает то на заваленную сугробом обочину, то на меня.

– Ну, чего же ты? – усмехаюсь. – Иди, тебя никто не держит.

Она сопит, но продолжает сидеть. Понимает, что идти-то ей некуда.

– Максим Николаевич, тут холодно, – гундит охранник, заглядывая в салон. – Можно я сяду?

Оборачиваюсь и смотрю на потеряшку. Она опускает глаза и придвигается к Дыму, освобождая место для Егора. Тот, стуча зубами, забирается внутрь.

– Поехали, – обращаюсь к Вадиму.

Машина мягко трогается с места.

Через сорок минут мы останавливаемся во второй раз. Теперь уже возле моего дома.

2. АСЯ

Завезли меня далеко.

Если бы кто-то знал, что я почувствовала, когда поняла, что мы покинули черту города! В тот момент мне хотелось выскочить из машины – и плевать на зиму, плевать на снег. Бежать куда подальше от этого Максима. Но я сидела, зажатая с двух сторон бритоголовыми амбалами, и боялась даже пикнуть. А теперь нервно ежусь при виде огромного особняка, к которому меня подвезли. Видно, что тут дома дорогие, видимо район для богачей.

Лай собак по ту сторону забора заставляет напрячься.

– Боишься собак? – усмехается Максим.

Хмурюсь. Нет, я люблю собак, наверное... любила когда-то в той, другой жизни. По крайней мере, отторжения они у меня точно не вызывают.

– Вот еще, – бурчу, пряча страх.

А там гавкают так, что у меня сердце из груди выпрыгивает.

Ворота медленно открываются. Машина въезжает во двор. Заливаясь лаем, со всех сторон к нам несутся натуральные лоси. Я насчитываю штук пять.

– Нравятся? – довольно отзывается Максим, явно гордясь своими питомцами.

– Ага, – киваю, стараясь не показать, что боюсь.

Хватит. Не хочу, чтобы он видел меня дрожащей. Пусть не думает, что меня легко запугать!

Машина останавливается возле крыльца.

Максим выходит первым, его окружают собаки. Ластятся к нему, поскуливают и машут хвостами.

Егор, если я правильно запомнила, открывает мне дверцу. Второй охранник тоже выходит. Морозный воздух проникает в салон.

– Чего сидишь? Со мной в гараж поедешь? – а это уже водитель обращается ко мне.

– Да, сейчас, – вылетаю из машины, кутаясь в пальто Максима.

Один из псов тут же подходит ко мне, начинает обнюхивать. Собачка в холке мне по пояс! Я ей на один укус!

– Не бойся, – подмигивает Макс. – Их сегодня кормили. А может нет...

С ужасом смотрю на него.

– Назад! – рывкает он, и собаки вмиг разбегаются.

Я выдыхаю. Бреду за ним на крыльцо, считая ступеньки.

– Прошу, – Максим открывает дверь и позволяет мне войти первой.

Дом огромный, в три этажа, с широкими панорамными окнами. На втором и третьем этаже нависают балконы. В первом, как я успела заметить, темнеет гаражная дверь.

Внутри нас встречает миловидная женщина лет пятидесяти. У нее короткие крашенные волосы. В ушах – серьги с

янтарем, в руках – половник. Стоит увидеть его – и живот начинает бурчать. Я сконфуженно краснею.

– Максим Николаевич, доброе утро. Я подготовила гостевую комнату, как вы сказали, – она обращается к Максиму, но смотрит на меня.

И с явным неодобрением.

Да-да, знаю-знаю, наверное ваш Максим Николаевич каждый день кого-нибудь с улицы в дом таскает. И вряд ли это бездомные котята...

– Благодарю, Татьяна Ивановна. Это... – он замолкает и окидывает меня оценивающим взглядом. Будто решает, как обозвать. – В общем, это новая помощница. Ася.

– Ася? – тарашусь на него.

– Ты против? – и снова этот насмешливый взгляд, а еще вальяжные нотки в тоне. Словно я мышка, а он сытый кот. – Или имя свое вспомнила?

– Н-нет, – иду на попятный.

– Ну и отлично. Будешь Асей.

– Но почему именно Асей? – никак не пойму.

– Считай, что мне нравится это имя.

Домработница наблюдает за мной, поджав губы.

Максим без предупреждения кладет руки мне на плечи.

Вздрагиваю.

– На входе принято снимать верхнюю одежду, или тоже забыла? – он помогает мне снять пальто. – Татьяна Ивановна, что на завтрак?

– Я приготовила блинчики с мясной и творожной начинкой. Все как вы любите, Максим Николаевич.

– Прекрасно! Любимое блюдо. Надеюсь, Ася умеет их печь, – и красноречиво смотрит на меня. – Покажите девушке ее комнату.

Да он самодур – наконец-то доходит! Ну ладно. Имя “Ася” мне нравится. Альтернативы-то все равно нет пока.

В воздухе пахнет выпечкой. Во рту собираются слюнки. Еще с клиники у меня ни крошки во рту не было, не считая трех глотков воды.

Мы проходим мимо огромной кухни. Там на столе возвышается огромная стопка блинчиков. Жду, что мы зайдем туда, но меня ведут дальше.

В конце коридора Татьяна Ивановна достает из кармана связку ключей и открывает дверь. Мы входим в небольшую светлую комнату. На стенах обои с серебристым рисунком, вся мебель в белых тонах. Возле стены пристроилась одноместная кровать, застеленная темно-синим покрывалом.

Платяной шкаф стоит напротив кровати. Там же комод, над которым висит овальное зеркало. Рядом – письменный стол, пара стульев и кресло. На стене замечаю небольшой плазменный телевизор. Плоский и тонкий.

– Можешь оставить свои вещи в шкафу. Там же сменное белье для кровати и подушка, – поясняет Татьяна Ивановна. – Гостевой туалет и ванная за следующей дверью.

– Спасибо, – благодарно киваю.

После машины голова еще немного кружится, чувствуется легкая тошнота. Хочется немного полежать, но есть хочется еще сильнее. Домработница кажется милой женщиной. Вот вспомню хоть что-то и обязательно попрошу ее помочь сбегать от Максима. Надеюсь, что есть куда.

Подхожу к окну и осматриваюсь.

Отсюда открывается чудесный вид на заснеженный сад и даже виден бассейн, накрытый брезентом.

– Вот, смотри, – Татьяна Ивановна открывает дверцы шкафа. – Сюда можешь сложить вещи. Я так понимаю, твой багаж ребята принесут.

Шкаф полностью пуст, но места в нем столько, что можно сделать отдельную комнату. Только на верхних полках виднеется сложенное белье.

– У меня ничего нет, – признаюсь.

Татьяна Ивановна удивленно смотрит на меня.

– Ладно, мой руки – и к завтраку, – командует она, указывая на еще одну дверь.

Я направляюсь туда. Это ванная. Все помещение занимает душевая кабинка из матового стекла, умывальник и скромно приткнувшийся в углу унитаз. Над умывальником зеркало с полочкой. Ого, кто-то заботливо оставил здесь полотенце, новую зубную щетку и пасту.

Быстро ополаскиваю лицо, чищу зубы.

– Я не знаю, кто ты такая, – говорит Татьяна Ивановна, останавливаясь у меня за спиной, – но Максим мне как сын.

Увижу, что крутишься там, где не надо, увижу, что хочешь чего-то украсть – сразу ему доложу!

Я давлюсь зубной пастой. Кашляю, выплевывая в раковину белую пену. Ивановна эта смотрит так осуждающе, будто я уже что-то стащила. Мне кажется, она уже хочет меня обыскать, хотя я едва в дом зашла!

– И мойся быстрее, нечего зря воду лить.

Упс, видимо, дружбы не получится. Может, сказать ей правду? “Ваш великолепный Максим Николаевич сам виноват в том, что я здесь”...

Нет, лучше не надо. Не нужно настраивать ее против себя, она и так смотрит на меня, как на интервента. С большой любовью, в кавычках.

Поэтому молча выключаю воду, возвращаю щетку на место в стаканчик, вытираю руки и иду за домработницей.

В кухне уже ждет Максим. Сидит с недовольным видом, постукивает по столу вилкой.

– Почему так долго? Кажется, ты есть хотела? – придирчиво осматривает меня, потом домработницу. – Татьяна Ивановна, все в порядке?

Вот же торопыга!

– Руки мыла, – отвечаю ему. – Хотела еще переодеться, но у меня из вещей только это платье.

Он на минуту впадает в задумчивость, потом говорит:

– Ладно, садись, – кивает на стул напротив него. – Подумаю, что можно сделать.

Я сажусь.

– Хотя вряд ли тебе понадобится много вещей, – он вдруг широко улыбается. – Ходить все равно некуда, ты же ничего не помнишь. Так что одного платья вполне достаточно. Татьяна Ивановна, выдайте ей халат на смену.

И, ловя мой ошарашенный взгляд, мстительно добавляет:

– У нашей Аси страсть к техническим халатам синего цвета.

Вот гад!

Чувствую, как щеки начинают пылать.

– Может, мне вообще голой ходить? – бурчу еле слышно.

– А что, мысль неплоха. Всегда мечтал, чтобы меня обслуживали голые официантки.

Он смеется надо мной и даже не скрывает этого. А сам скользит по моей фигуре нахальным раздевающим взглядом.

Я кошусь на Татьяну Ивановну, представляя, как бы она обслуживала его голышом. Та молчит, поджав губы. То ли привыкла к выходкам хозяина, то ли сама не знает, как реагировать.

Зато мне в голову приходит отличная мысль. Хотя, лучше бы память вернулась.

Встаю из-за стола и походкой от бедра подхожу к Максиму.

– Хотите, чтобы я вас обслужила? – мурлычу, поигрывая бровями.

Вот ведь память. Имени своего не помню, а как флиртовать – не забыла!

Макс с вальяжным видом развалился на стуле.

– Попробуй, – кивает по-хозяйски и продолжает смотреть на меня, не скрывая насмешки.

Ну что ж, сам напросился!

Беру тарелку с горячими блинчиками. Наклоняюсь к нему, выпячивая грудь. Да, маленькая, но есть на что посмотреть. Я в больнице хорошо себя изучила.

Вилкой цепляю верхний блинчик и кладу его Максиму в тарелку, не забывая при этом маячить грудью у него перед глазами.

Голубой взгляд прикипает к моему декольте.

Все! Цель на крючке и ни на что не обращает внимания.

Цепляю второй блин, резко сдвигая его в сторону светлых штанов. Молодец, Макс, успел переодеться.

Горячий блинчик попадает в цель. Жертва резко подскакивает, сверля меня грозным взглядом. По его штанам расползается творожная начинка. Сам блинчик с печальным звуком шлепается на пол.

– Ой, извините, я сейчас вытру, – тянусь к салфетке. – Я просто жуть какая неуклюжая после больницы.

Невинно хлопаю ресницами.

– Не надо, – цедит Макс и отступает, словно боится, что я всю тарелку вывалю на него. – Сам вытру. Садись на место.

– Ладно, молодежь, – ворчит Татьяна Ивановна, – вам все игры, а мне теперь пол вытирать.

– Нет, – останавливает ее Макс и пристально смотрит на

меня. – Ася все уберет. Верно, Ася?

– А доктор сказал, что мне нужен покой. На несколько дней, – едва сдерживаю смехок.

– Как для больной, ты чересчур резвая. Подозреваю, доктор меня обманул.

Я сверлю его почти ненавидящим взглядом. Ишь чего удумал! Чтобы я на коленках ползала перед ним и пол вытирала? Мне всего лишь стыдно перед Татьяной Ивановной. Она же не виновата!

Пока мы так препираемся, возвращается домработница с тряпкой.

– Я сама, – забираю у нее орудие труда.

Максим наблюдает, как я присаживаюсь на корточки у его ног. Смотрит на меня сверху вниз и молчит. А я уже ненавижу его. Так и хочется плюнуть на его кожаную тапку с вензелями известного бренда.

Но вместо этого соплю и собираю остатки злосчастного блинчика.

Внезапно накатывает тошнота. Перед глазами темнеет, комната кружится. Чувствую, как заваливаюсь назад...

– Ася? – словно издалека слышится голос.

Все, допрыгалась...

А потом меня подхватывают и куда-то несут.

Глава 5

1. МАКС

Сумасшедшая.

Она определенно сумасшедшая и меня сведет с ума своими выходками.

Надо же, забрала у Татьяны тряпку и полезла сама пол вытирать. Хотела на жалость мне надавить?

В результате только разозлила!

Хотя признаюсь, мне стало не по себе, когда она вдруг побледнела, закатила глаза и начала падать навзничь. После всего, что случилось, оставалось только еще раз затылком приложиться, чтобы не только имя забыть, но и как говорить вообще.

Впрочем, удар мог поставить на место ее мозги, а меня избавить от сомнительного удовольствия нянчиться с ней.

Пришлось отнести потеряшку в выделенную для нее комнату. Уложил ее на кровать. Стою, смотрю, не знаю, что делать дальше. Еще и Татьяна куда-то пропала.

Сажусь на кровать рядом с Асей. Не знаю, почему это имя первым всплыло в моей голове. И почему мне кажется, что

я знаю ее? Где мы встречались?

Перебираю в памяти всех знакомых мне женщин. Ларкиных подруг, сотрудниц фирмы, случайных любовниц... Ее в этом списке нет.

У нее на скуле чернеет ресничка. Тянусь, чтобы убрать. Провожу по щеке костяшками пальцев. Кожа на ощупь прохладная и гладкая. Замечаю еле заметную россыпь веснушек. Наклоняюсь, чтобы рассмотреть. И натываюсь на затуманенный взгляд.

– Очнулась? – интересуюсь, пряча волнение. – Как самочувствие?

– А... что со мной было? – тихо произносит она.

– Обморок.

Нас прерывает появление домработницы.

– Максим Николаевич, – она вносит поднос, на котором стоят тарелка с блинами и чашка с чаем, – Егор передал, что вам уже несколько раз звонила Лариса Львовна.

Вспоминаю, что еще в клинике отключил телефон.

– Интересно, и что ей нужно? – бурчу под нос, а сам не могу оторвать взгляд от бледного лица потеряшки. – Сама поесть сможешь?

Та хлопает ресницами и переводит взгляд с меня на Татьяну.

– Д-да, – наконец, выдает.

– Отлично. Оставь это здесь, – киваю Татьяне на тумбочку и добавляю для Аси: – Оставайся сегодня в постели. Врач

сказал, что голова может какое-то время кружиться. Если что-то понадобится, Татьяна тебе принесет.

Выхожу из комнаты и достаю телефон. Не успеваю включить, как он начинает вибрировать от пропущенных звонков и смс. Ясное дело, большая часть от Ларисы. Просматриваю последние и морщусь: похоже, она сильно зла, что я отключил телефон. Придется задабривать.

Еще пара звонков от секретаря. Вспоминаю, что должен просмотреть документы.

Телефон в руках снова начинает вибрировать. Даже не глядя, я знаю, кто это по мою душу.

– Здравствуйте, Лев Аркадьевич, – говорю, морально готовясь к нотациям.

Это отец Ларисы. Выходец из 90-х, который продолжает вести бизнес так, как вели тогда. Не гнушаясь использовать силу.

– Макс, что там с партнерами из Лейпцига? Лариса сказала, что ты не приехал навстречу и они отказались с нами сотрудничать, – в ответ раздается грубый голос Радзинского.

Даже поздороваться не соизволил. В этом весь Лев Аркадьевич.

Вечно он лезет не в свое дело, а мне, как мальчишке, приходится отчитываться перед ним. Но ничего, наступит удачный момент. Я выкуплю у его свои акции и стану полноправным владельцем.

– Все верно. Я отменил поездку, но они пошли мне на-

встречу. Мы все обсудили онлайн. Так что вам не о чем беспокоиться, – заверяю, сохраняя спокойствие.

– Что значит “не о чем беспокоиться”? Ты мне зубы не заговаривай! Почему билет сдал?

– Договор пока у юристов. Мы еще на стадии обсуждения некоторых пунктов.

– Да плевать мне на твой договор! Объясни, почему не поехал?

Отрываю телефон от уха, смотрю на него как на врага. Но выбора нет, придется сознаться. Хотя бы частично. Иначе моя ложь выльется в большую проблему.

– Лев Аркадьевич, это не телефонный разговор. Мы можем встретиться?

Тот сопит в трубку. Видимо думает. У него лишний вес, одышка и слабое сердце. Но он жестокий и хладнокровный делец, и мне не стоит забывать об этом.

– Хорошо, – он выносит вердикт, – через час в твоём офисе.

Закончив разговор, переключаюсь на Вадима. Предупреждаю, чтобы был готов через десять минут. Этого времени мне хватает, чтобы проглотить остатки завтрака, переодеться и на ходу выпить чашку остывшего кофе под неодобрительным взглядом Татьяны.

– Асю из дома не выпускать! – вспоминаю уже на пороге. – Ни под каким предлогом. К интернету не подпускать и телефон не давать.

Не хочу ее потом искать по всей округе. А звонить и писать ей все равно некому, раз ничего не помнит.

– Куда едем, Максим Николаевич? – Вадим уже ждет за рулем.

Дым и Егор быстро тушат недокуренные сигареты и аккуратно складывают “бычки” в пепельницу. Знают, что я не курю и терпеть не могу, когда окурки швыряют под ноги.

– Сначала в офис. Потом в салон к Ларисе Львовне.

Это для меня она Ларка, а для всех остальных – Лариса Львовна. Владелица престижного салона красоты и светская львица. Ведет свой бьюти-блог в инстаграме, любит визгливую пакость по кличке Пуся и немножко меня.

Хотя нет. Мои деньги

Не могу сказать, что доволен своей невестой. Особенно после того, как она начала “улучшать” свою внешность. В постели с ней хорошо, не скрываю, и когда-то она мне даже нравилась. Но испытывать какие-то живые чувства к этой жертве красоты с силиконовыми губами и сиськами я уже не могу.

Почему мы все еще вместе? Хороший вопрос. Скорее всего, потому что мне так удобно. Все знают, что у Макса Стальнова есть невеста и уже назначена дата свадьбы, а будущий тесть – депутат государственной Думы. Это открывает многие двери и защищает меня от лишнего внимания со стороны незамужних дам.

Но главное, Радзинский пообещал, что мои акции вернут-

ся ко мне в виде Ларкиного приданого. Я согласился. На тот момент просто не видел другого выхода.

В школе я был обычным ботаном, каких миллионы, пошел учиться на программиста. Окончил институт с отличием, несколько лет работал в компании, сначала тестировщиком, потом инженером. Разрабатывал кое-какие программы, пока не создал свою. Именно тогда судьба в лице Ромки Ветрова, давнего друга и одноклассника, свела меня сначала с Ларкой, а потом и с ее отцом.

На деньги Льва Аркадьевича я запустил уникальную мультиплатформу, которая сейчас занимается продвижением многомиллионных проектов. Любой инвестор может стать акционером этих компаний и получать от них дивиденды. Моя задача – привлекать новых инвесторов, проверять каждого из участников сторон и обеспечивать им максимальную защиту в интернет-сети.

За три года к нашей платформе подключилось много иностранных партнеров, готовых вложить свои бабки. Я получаю процент с каждой сделки и слежу, чтобы все стороны остались довольны результатом.

Но не это главное. Суть мультиплатформы в том, что все сделки проходят в единой электронной валюте. Нет нужды конвертировать деньги и терять на колебании курса.

Подъезжаем к Стекляшке – так называется бизнес-центр, в котором находится главный офис нашей компании. Это девятиэтажное здание с панорамными окнами. Сам офис занимает верхний этаж, чему я несказанно рад, ведь там есть выход на крышу. Владельцы бизнес-центра разрешили мне арендовать и часть крыши, где устроена зона отдыха для сотрудников. Летом там можно поиграть в настольный теннис, пообедать в кафе с видом на город и даже работать, если не хочется задыхаться в нудном офисе.

На рецепции нас встречают двое охранников. Поднимаются, увидев меня, и здороваются. Я киваю и направляюсь к лифту. Позади меня следуют Дым и Егор.

Возле лифта трутся сотрудники других офисов. Когда подхожу, они расступаются, но я показываю, что не против кратковременного соседства. Я не привередлив в этом плане. Мне все равно, с кем в лифте ездить.

Девушки бросают в мою сторону заинтересованные взгляды и подмигивают всю дорогу, пока не выходят на своем этаже. Еще немного – и поехали бы со мной на последний. Но их отпугивает Дым, грозно ступая вперед и заполняя собой весь лифт.

Несмотря ни на что настроение у меня сегодня хорошее. Поднявшись на нужный этаж, здороваюсь со своими сотрудниками и направляюсь к себе в кабинет.

В приемной сидит секретарь – Александр. Он подлетает ко мне с папкой в руках:.

– Максим Николаевич, вот документы на подпись.

Хороший малый. Ни капли не жалею, что взял его на работу. Все всегда успевает и никаких мозговыносов.

– Еще звонил секретарь Отто Хайнца, они уже в дороге, но их самолет задержали из-за погодных условий. Он согласен провести встречу в формате онлайн.

Похоже, этот немец заинтересован в партнерстве больше, чем я предполагал, если сам ищет встречи со мной. Возможно, это мой шанс отойти от договора с отцом Ларисы.

– Хорошо, когда у меня ближайшее окно?

– Ближайшее в пятницу.

Задумываюсь на секунду.

– Это долго. Переставь на сегодня.

– Но сегодня у вас расписан весь день.

– Отмени что-нибудь.

Он хмурится, читая расписание на экране компьютера.

– Можно отменить встречу с турагентом.

– Нет, это не вариант, – морщусь, вспоминая “душевную” беседу с отцом Ларисы.

А тут и секретарь напоминает:

– Вам сегодня Лариса Львовна звонила.

– Спасибо, с ней я уже пообщался. Назначь встречу с Хайнцем на время моих занятий в спортзале. Ради такого дела я их пропущу.

– Вашего тренера предупредить?

– Обязательно, – захожу в свой кабинет. – И да, сообщи,

как подъедет Лев Аркадьевич.

Документы просматриваю уже тогда, когда усаживаюсь в кресло. Счета, договора. Быстро пробегаюсь по ним.

Включаю компьютер, проверяю сводки по сделкам за последние сутки. Мультиплатформой пользуются бизнесмены из разных стран и с разным менталитетом, так что порой мне приходится брать на себя еще и роль рефери.

Мысли то и дело возвращаются к Асе. В доме установлены камеры. Везде, кроме туалетов и спален.

Значит, в комнате Аси камеры нет. Плохо. Надо бы проследить за ней. Может, она неслучайно ко мне под колеса бросилась, и на самом деле все прекрасно помнит. Некоторые дуры уже пытались похожим образом привлечь мое внимание. Были такие, что умудрялись пробраться даже в защищенный отель, прямо в мою кровать. Может и эта, увидев дорогую машину, решила попытать удачу.

Но вот почему мне кажется, что я ее знаю?

И этот ребенок...

Может, он мой?

От этой мысли я замираю. Рука сама тянется к коммутатору.

– Саня, мне черный кофе покрепче, и плесни туда бренди. Голос звучит так, будто я наелся стекла.

Нет, я к ее беременности не имею ни малейшего отношения. По крайней мере, уже не помню, когда последний раз так рисковал и ложился в постель без резинки.

Первая жена подарила мне дочь. Этого вполне достаточно, чтобы больше не делать глупостей.

Радзинский появляется с большим опозданием. Это у него манера такая, заставляя всех себя ждать. В моем офисе ведет себя по-хозяйски. Точнее, по-барски. Сбрасывает шубу из чернобурки на руки подскочившему Саньке, будто тот его личный холоп. Кидает небрежно:

– Не мешать.

Его охрана тут же вытягивается возле дверей. Я наблюдаю этот спектакль в режиме онлайн. У меня по всему офису камеры. Думаю, Лев Аркадьевич это знает.

– Итак, – заявляет он, садясь в кресло напротив меня. – Я жду твоих объяснений.

Пододвигаю ему приготовленный Санькой бокал, наливаю его любимый коньяк. Сокрушенно вздыхаю:

– Я сбил человека.

Лев Аркадьевич изгибает седую бровь:

– В каком смысле “сбил”?

– В самом прямом. Ночью, когда в аэропорт ехал. Поэтому и поездку пришлось отменить.

– А-а-а, – тянет он, понимающе. – Следы заметал?

Ну вот, даже ничего говорить не пришлось. Сам за меня все додумал.

– А кто еще знает? Кто с тобой был?

– Как всегда, – морщусь, – два охранника.

– А водитель?

– Я сам был за рулем.

– Плохо, – он смакует коньяк. – Если тебя кто-то видел...

– Никто, я проверил.

– А камеры?

– На том перекрестке нет камер.

Конечно, они там есть. В доме напротив. Мои парни сразу изъяли запись и уладили этот вопрос с охраной. Очень удачно вышло, что дежурившему в ту ночь немолодому мужчине нужны были деньги на лечение внучки. Мы с ним быстро нашли общий язык.

Но Радзинскому об этом лучше не знать.

С минуту будущий тесть молчит, изучая мое лицо придирчивым взглядом, потом произносит:

– Смотри мне, Макс. Не знаю, что в тебе нашла Ларочка, но я за свою дочь любого урою. И тебя в том числе. Помни об этом.

Глава 6

1. АСЯ

Просыпаюсь от лая собак.

После ухода Максима, я проспала несколько часов. Всю неделю старалась припомнить хоть что-то, но память по-прежнему возвращаться не хочет. Видимо в моем прошлом есть что-то такое, о чем я подсознательно не хочу вспоминать. Так сказал врач.

Все, что мне известно о себе – я знаю с чужих слов. Знаю, что неделю назад, в час с чем-то ночи Максим ехал куда-то и случайно сбил меня на дороге.

Он сказал, что в том районе фонари не горели, а я появилась там внезапно, выскочила прямо перед машиной. Но я не помню как это произошло! И не помню где именно!

Почему я вообще оказалась на улице в праздничном платье? А где пальто или шуба? И почему на ногах были тапочки, а не сапоги?

А главное, беременная и... замужняя. Или нет?

Есть ли у меня муж?

Смотрю на след от кольца. Он не дает мне покоя.

Что же со мной случилось? Говорят, беременные становятся капризными, но не до такой же степени, чтобы убегать ночью на улицу в мороз, в одном платье!

Значит, что-то произошло. Только что?

В ванной склоняюсь над зеркалом. Хмурюсь, глядя на свое отражение. Но собственное лицо абсолютно чужое и не пробуждает никаких воспоминаний. Разве что в голову начинают лезть разные домыслы.

Вот! Мы праздновали в ресторане пополнение семьи. Я вышла подышать свежим воздухом... в платье... и тапочках, да. Обычно по ресторанам в тапочках ходят. А тут меня сбילה машина.

Угу. У ресторана. И никто ничего не заметил? Тоже вариант!

Хотя нет, мне же сказали, что это случилось в спальном районе. Значит, я вышла из дома?

И Максим.

Губы сами собой растягиваются в улыбку, стоит только вспомнить, как вытянулось его лицо, когда я уронила блинчик ему на брюки. Живот бурчит, требуя свою порцию любви и внимания. Ладно, раз уж меня затащили сюда, то и кормить будут. Наверное.

Одно радует: после отдыха мне стало намного легче, чем было до этого.

Я возвращаюсь в комнату. Мое единственное платье помято, но Татьяна Ивановна оставила на стуле байковый ха-

лат. Синий, в мелкий цветочек. Такой же необъятный, как и она сама. Сразу видно, что из личных запасов.

Халат выглядит чистым и пахнет стиральным порошком. Да и вообще, не в моем положении привередничать, так что молча переодеваюсь. Не ходить же в несвежем и мятом тряпье? А платье постирать надо, пригодится на смену, раз уж у меня больше ничего нет... Даже белья...

Не просить же у Ивановны еще и трусы? Хватит, уже один раз опозорилась.

На кухне никого нет. За окном валит снег, в духовке запекается мясо, разнося по дому приятные ароматы. На плите что-то кипит в кастрюле.

Закусываю губу, борясь с собой. Мысль, что придется есть то-то, приготовленное чужими руками, вызывает брезгливость, но голод пересиливает. Открываю крышку. Гречневая каша. М-м-м, пахнет божественно!

Так, надеюсь, никто не возмутится, если я ложку каши съем. Я же совсем немножко. Потом отработаю. Вот точно! Я же буду новой помощницей Татьяны Ивановны. Так что все в порядке.

А вдруг прислуга не ест из одной кастрюли с хозяином? Хотя утром он же поделился блинами и даже за стол с собой посадил.

Закрываю крышку и тянусь к кухонным шкафчикам.

Ага, здесь крупы, а здесь чашки. Да где же тарелки? А вот, нашла!

– Ты чего здесь гремишь? – раздается ворчливый голос Татьяны Ивановны.

Оборачиваюсь.

Домработница стоит на пороге, недовольно поджав губы, и смотрит на меня так, будто поймала за воровством!

– Ой, я просто проголодалась, – виновато улыбаюсь.

– Нечего тут по кастрюлям заглядывать! Скоро Максим Николаевич вернется, тогда и поужинаешь, – прищуривается она, не сводя с меня пристального взгляда.

Становится немного не по себе. Когда это он вернется? Я, например, сейчас есть хочу!

– Можно, я сейчас поем, чтобы ему не мешать? – отвожу взгляд.

Она пыхтит, проходит мимо меня, заглядывает в кастрюлю.

– Ладно. Все равно много не съешь, вон какая худая. Небось на диетах сидишь?

Мотаю головой:

– Нет, наверное...

А кто его знает? Может и сижусь... сидела...

По ее пристальному взглядом беру тарелку. Прикидываю количество каши.

– Тут немного. А остальным хватит?

– Кому это “остальным”? – фыркает домработница. – Максим Николаевич обычно завтракает и ужинает один. На обед я больше готовлю, еще ж охрану кормить. А так ему

одному много не надо, если только дочку не привезет.

Я замираю.

Дочку?

Ох, ну, конечно, у такого мужчины должна быть семья!
Жена, дети...

– Дочку? – переспрашиваю эхом. – Она тут живет?

Только что Татьяна разговаривала со мной вполне дружелюбно, а теперь снова нахмурилась:

– Максим Николаевич занятой человек. Его дочь живет с бабушкой. И вообще, не задавай лишних вопросов! Ишь, любопытная!

За окнами сквозь снегопад светят фары. Раздается сигнал клаксона и радостный лай собак

– О, а вот и Максим Николаевич. Давай, накрывай на стол, – кивает Татьяна. – Я пойду за грибочками в погреб, а ты не сильно мешкай. Быстро все разложишь и сможешь у себя поесть. Поняла?

– Да, а вы разве не будете есть?

Кто знает, какие у него правила в доме. Она же сказала, что только хозяин ужинает и завтракает один.

Татьяна Ивановна усмехается.

– Нет. Я домой уже уйду, да и не ем после шести. А ты набирай себе – и вперед. Только потом не забудь посуду помыть.

Улыбаюсь. Может, и я никогда не ела после шести. Но это было раньше, в той жизни, которую я забыла. И вообще, бе-

ременным можно не беспокоиться за фигуру.

– Как ты? – позади раздается мужской голос.

Замираю с тарелкой в руках.

Оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Максимом. Он стоит в дверном проеме. От него веет февральским морозом, а на волосах и черном пальто тают снежинки.

– Уже лучше, – отвечаю. – Ваш ужин готов.

Показываю на стол.

– Отлично, – холодно отзывается он и уходит с кухни.

Это что с ним?

Я быстро расставляю оставшуюся посуду. Достая запекшееся мясо из духовки и ставлю на стол. Слюнки так и текут.

– Салат в холодильнике, – показывает мне Татьяна Ивановна.

Пока Максим снимает пальто и моет руки – слову, в моей же ванне! – мы с Татьяной Ивановной успеваем накрыть на стол. Для себя я отдельно кладу кашу, мясо и салат на тарелку.

Только хочу выйти из кухни, как дорогу преграждает Максим. Замираю, глядя ему в глаза.

– А ты куда? – спрашивает, удивленно уставившись на тарелку в моих руках.

– К себе в комнату, – пожимаю плечами.

Макс хмурится и переводит взгляд на Татьяну Ивановну.

– Садись за стол, – кивает почти зло. – Нечего таскаться по дому с тарелками.

Растерянно смотрю на домработницу. Та недовольно поджала губы. Хм, ладно. Хозяин – барин.

Мы вновь садимся друг против друга. Татьяна Ивановна молча уходит.

– Как прошел твой день? – спрашивает Макс внезапно.

– Я спала, – ковыряюсь в тарелке. – А ваш?

– Да так. Все, как всегда, – он пристально смотрит на меня. – Приятного аппетита, Ася.

– Приятного, – вежливо улыбаюсь ему.

Прогресс. Прошло уже десять минут, а мы все еще не пытаемся убить друг друга. Спокойно приступаем к еде.

Макс включает телевизор. Новости. Телеведущая рассказывает о событиях, произошедших где-то за границей. Что-то про новую модель самолетов. Потом переключается на местные новости:

– Семь дней назад в районе Алтуфьево, на заброшенном строительном объекте был найден обезображенный женский труп. По предварительным данным, смерть наступила в ночь с третьего на четвертое февраля. Жертве разбили голову тупым предметом, а потом облили бензином и подожгли.

Макс вздрагивает, его рука замирает на весу, с кусочком мяса, наколотым на вилку. Я недоуменно смотрю на него, но продолжаю есть.

– Погибшей оказалась Анастасия Камушкина, владелица строительной фирмы. Ее муж, Георгий Камушкин, опознал жену по кольцу.

Кадр тут же меняется. Вместо идеально накрашенной телеведущей нам показывают небритого мужика.

Макс, прищурившись, смотрит в телеэкран, и я вместе с ним.

– Ее не было всю ночь, а утром я сам обратился в полицию и написал заявление. Они обещали начать поиски через три дня, если она не объявится. Но позвонили уже на следующий день, сказали прийти на опознание... – мужик всхлипывает, но как-то ненатурально. Так и хочется крикнуть “не верю!” – Ее невозможно было узнать... Но кольцо... У нее было кольцо. Я сам надел его ей на палец во время свадьбы, так что не спутаю, да и гравировка там есть. “От Георгия – Анастасии”.

У мужика всклокоченные рыжеватые волосы и немного вытянутое лицо. “Георгий Камушкин” – внизу экрана светится синяя лента.

Этот Георгий вызывает у меня странное чувство. Хмурюсь. Может, я его знала?

– Вы уверены, что это ваша жена?

– Да, а как иначе к ней могло попасть это кольцо? Это было единственное украшение, которое Настенька носила не снимая! Какие-то твари ее избили, а потом затащили на стройку и подожгли!

Мужик начинает рыдать в камеру. Кадр снова меняется.

– Следствие подробностей не разглашает, – сообщает ведущая в студии. – Все что удалось выяснить нашим журнали-

стам, так это то, что погибшую Анастасию Камушкину подозревают в финансовых махинациях. Она была единоличной владелицей и генеральным директором строительной фирмы, которая в данное время попала под пристальное внимание налоговой. Погибшую обвиняют не только в прикарманивании денег, но и в аварии, которая месяцем ранее случилась на одном из объектов. Узнать подробности вы сможете на нашем телеграм-канале...

“Вот же не повезло бедной женщине, – мелькает в голове. – Мало того что умерла страшной смертью, так теперь еще месяц в новостях полоскать будут”.

– Так что насчет одежды? – отвлекаю Макса от новостей.

– А что с ней? – хмурится он.

Ох, мужчины.

– Ну, у меня всего одно платье, – тонко намекаю. – Мне бы хоть немного вещей.

Он поднимает бровь.

Отвожу взгляд.

– Я... я отработаю! – продолжаю. – Вы же сами сказали, что буду готовить. Давайте, я тут у вас и убираться буду за деньги? Только вы мне в долг одежды купите. Потом вычтите из зарплаты.

Макс тяжело выдыхает и протягивает свой смартфон. В браузере открыт сайт одежды.

– Выбирай все, что нужно, – говорит, сам не зная, что открывает врата в бездну.

Одежда и женщины две настолько совместимые вещи, что очень сложно сдержаться.

– Здесь мой аккаунт, свой заказ регистрируй на него.

– Спасибо, – прижимаю телефон к груди. – Ой, подождите! Давайте я сначала здесь приберу.

Совсем забыла, что Татьяна сказала!

Хватаю свою тарелку, а затем подхожу к Макс. От его парфюма кружится голова, и я начинаю нервничать. Берусь за его тарелку и ставлю поверх своей.

Разворачиваюсь к мойке.

Слишком резко. Неожиданно спотыкаюсь на ровном месте. Понимаю, что наступила Макс. на ногу, и неловко отшатываюсь. Падаю, но меня подхватывают крепкие руки.

– Эй, ты чего? – спрашивает Макс, помогая восстановить равновесие. – Нечего так спешить! Никуда тарелки не денутся.

Мы смотрим друг другу в глаза. Так близко, что наше дыхание смешивается.

Неловкая ситуация...

Его взгляд опускается вниз, туда, где моя рука упирается в его грудь. Наши бедра соприкасаются. Я чувствую что-то твердое у него в кармане.

Это же второй телефон? Надеюсь...

Глава 7

1. МАКС

Я ее хочу...

Как пацан, впервые увидевший голые сиськи. Так глупо.

Хорошо, что жизнь научила владеть собой и держать эмоции в кулаке. Очень надеюсь, что не выдал себя. Не хочу пугать ее еще больше.

Ладонь Аси прожигает мою грудь сквозь рубашку и джемпер. Поняв, что я смотрю на нее, она резко отдергивает руку и прячет ее за спину. Лепечет:

– П-простите, я не хотела...

Делаю усилие над собой. Поднимаюсь, осторожно беру ее под локоть и помогаю встать.

– Ничего.

Смотрю на телефон, который она продолжает сжимать.

– Оставь его себе, вернешь, когда определишься с заказом.

Она хлопает ресницами:

– А... а если вам будут звонить?

– У меня есть второй, – улыбаюсь. – Просто не бери труб-

ку. Все поняла?

Ася медлит, но все же кивает. Ловлю ее взгляд. Она мне явно не доверяет, хотя, с какой стати она вообще должна мне доверять? Я ведь сказал, что сбил ее на дороге. Технически, это был не я за рулем, но какая разница, если все расходы по лечению оплачивались с моей карты? Какая разница, если Ася теперь живет в моем доме?

Может я и не прав... Но у Вадима двое детей и жена беременна третьим. Он хороший мужик и водитель тоже. А ошибки... Никто не застрахован от них.

– Спасибо, – тихий голос возвращает меня на землю.

Кидаю на Асю выжидательный взгляд. Она вдруг краснеет и отводит глаза. Добавляет:

– За все...

Меня отвлекает стук по стеклу.

– Шеф! – за окном стоит Егор и машет руками. – Вы новости видели?

Через приоткрытую форточку отлично слышен его прокуренный бас.

– Сейчас выйду, – киваю.

Чувствую спиной, что Ася смотрит мне вслед.

– Ну? – выхожу на крыльцо. – Что за срочность?

Там уже стоит счастливая тройца: Дым, Егор и Захар. Вокруг парней радостно прыгают собаки, выпрашивая угощение.

– В новостях показали тот самый район, где мы это... –

Дым красноречиво косит глазами в сторону кухни.

– А ну-ка идем, – направляюсь к беседке.

Она стоит на достаточном расстоянии от дома, так что ничьи любопытные ушки ничего не услышат. Захар остается с собаками.

– В общем, шеф, я видел этого Камушкина у нас в офисе месяц назад, – сообщает Егор, когда мы рассаживаемся за столом.

– Ты уверен?

– Да, это точно был он.

– Хм... – пытаюсь припомнить. К нам разные люди приходят, но у Егора феноменальная память на лица. – И чего он хотел?

– Этого я не знаю, – разводит руками, – но он долго ругался и требовал у Санчо, чтобы тот вас позвал. Вы тогда с Ларисой Львовной вдвоем куда-то уехали, а нас с Дымом в офисе на охране оставили.

Хмурюсь, пытаюсь припомнить этот скандал. Санчо – это мой секретарь, на самом деле его зовут Александр, но парни в офисе привыкли давать друг другу прозвища. Уверен, у меня оно тоже есть, но как я не пытался его узнать – никто не сказал.

– Странно, Александр ничего мне не говорил. Ладно, я уточню. Что еще?

– Да все вроде.

– Но рожа у этого Камушкина подозрительная, – вставля-

ет Дым. – Я бы его пробил.

– Вот и займись, – усмехаюсь, – а то скоро мхом прорастешь.

Мы выходим из беседки.

– Максим Николаевич!!! – со стороны дома летит истерический вопль.

И следом за ним – лай собак. Кажется, кто-то уже выбрал себе одежду...

2. АСЯ

Первым делом белье. Теперь пару свитеров, джинсы, сапожки, носки. Хм, а точно. Еще теплая куртка нужна, шапка, перчатки. Зима все-таки. Ох, как дорого выходит. Ладно, этот гад меня сбил, значит, пусть за одежду заплатит.

Мысли сами собой перескакивают на Макса. Вспоминаю, как он меня подхватил, когда я едва не упала, какое у него крепкое тело – и забываю про свои покупки. Сердце заходится от волнения, а ладошки потеют.

В руках начинает вибрировать телефон. На экране высвечивается “Твоя секси-кошечка”.

Вздрагиваю от неожиданности. Гаджет выскальзывает из рук. Впопыхах ловлю его на лету, и палец случайно проходит по сенсору...

Меня оглушает манерный писк.

– Маааксюююсиик-пупсиииик! – пищит эта кошечка в трубку голосом маленькой девочки.

Я едва успеваю вытянуть руки, чтобы убрать телефон подальше от уха. Но она верещит так, что ее слышно даже не на громкой связи. Голос высокий, жеманный. Она тянет гласные так, что у меня зубы сводит.

Ой-ой.

– Ма-а-акс? – спрашивает кошечка. – Ты что, игноришь меня? Плохой мальчик...

Ой!

Я бегом лечу на выход из комнаты. Где же Максим Николаевич?

Мужские голоса доносятся с улицы. Вот блин, там собаки. И холод. Я не хочу туда выходить!

– Максююююсиик-пуууупсиииик, – мурлычет кошечка. – Я слышу твоё сопение. Это такая игра? Или ты не один, гадкий мальчишка?

С перепугу задерживаю дыхание. Что же мне делать?

– Так, Максюююсик, если не ответишь, то я обижусь, а если я обижусь, то мой папочка очень рассердится. Ты ведь этого не хочешь? Правильно. У тебя есть пять минут, чтобы перезвонить. Время пошло!

Ой-ой. Нужно срочно передать телефон Максу!

Но у меня нет ни куртки, ни сапог.

Ладно, придется выскочить в тапочках и халате.

Открываю входную дверь. Макс стоит возле беседки и об-

щается со своими бугаями.

Морозный воздух проникает под халат. Кажется, сегодня “минус двадцать” как минимум. Брр, холодрыга.

Возвращаюсь в прихожую и хватаю с вешалки пальто Макса. Закутываюсь в него. Не нахожу ничего лучше, как влезть в мужские ботинки, в которых моя нога утопает. Видок еще тот.

Выскакиваю наружу. Кричу:

– Максим Николаевич!

Макс оборачивается на мой голос.

Я несусь к нему, насколько позволяют ботинки, сваливающиеся с ног на каждом шагу. Его глаза расширяются.

– Назад! – внезапно рявкает он.

Я резко торможу и едва не падаю в снег на пятую точку. Недоуменно смотрю на него. Позади раздается грозный лай и рычание.

Собаки!

– Ты что, совсем сумасшедшая? – рычит Макс, в одну секунду оказавшись рядом со мной. – Чего тебе в доме не сидится?

– Там к-к-к-к-ошечка звонила, – заикаясь и трясясь, протягиваю ему телефон. – Сказала срочно перезвонить.

Макс недовольно хмурится. Смотрит на телефон с таким видом, будто я предлагаю ему взять ядовитого паука, но не берет.

– Иди в дом, – сухо бросает. – И больше не отвечай на

звонки, даже если будет звонить президент.

– Какой президент? – округляю глаза.

Кошмар! К кому я попала?

– Тот самый, – цедит Макс со значением.

Кажется, он ругнулся, когда я про кошечку сказала. Интересно, кто она ему? Подружка? Нет, какая подружка, у него ведь дочка есть. Значит, жена? А почему он тогда один живет? Может, с женой поругался?

Ой, вот о чем я вообще думаю? Какая мне разница, с кем и как он живет?

Сердито сопя, поворачиваю к дому и натыкаюсь на заинтересованные взгляды собак. За спиной сидят несколько крупных псов, наострили уши и смотрят на меня с явно гастрономическим интересом. Ой, мамочки!

– О-они съедят меня, – невольно пячусь поближе к Максиму.

Рядом с ним не так страшно.

Тот выдыхает и берет меня за руку. Ладонь у него сухая и крепкая, от нее исходит тепло.

Он ведет меня в дом... а нет. Подводит к собакам. Я вся дрожу, глядя на этих монстров. Он меня им скормить удумал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.